

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

в замкнутом пространстве

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Ранее книга выходила под названием
«Дочки-матери на выживание»

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Две женщины в замкнутом пространстве / Юлия Лавряшина. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-198300-0

Когда дверь подвала захлопнулась за спиной Наташи, она еще не могла поверить в реальность происходящего. Ее заперли, возможно, обрекли на смерть. И это сделала ее собственная дочь. Мать и дочь... две женщины, разделенные стеной непонимания, две женщины, между которыми встала любовь к одному и тому же мужчине. Самое страшное и беспощадное соперничество — это соперничество между родными по крови людьми.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лавряшина Ю., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198300-0

Сначала Наташа даже не поняла, почему изменилось освещение и что за звук раздался за спиной. Потом, еще не веря себе, обернулась и нервно засмеялась:

— Детка! Что за игры?

Дверь в подвал была закрыта, и Наташа отчетливо расслышала, как в скважине дважды повернулся ключ. Отказываясь поверить в очевидное, она бросилась наверх, толкнула дверь, потом еще раз и еще, забарабанила ладонями, как обезумевший заяц.

— Открой! Ты что? Не надо так шутить!

— Это не шутки, — донесся приглушенный голос дочери. — Я поняла, что иначе тебя не удержать дома. Не спасти. Не заставить подумать над своей жизнью. Над тем, что на самом деле тебе важнее. Пора уже определиться!

— Это что, домашний арест? — Она изо всех сил старалась не выдать страха, от которого противно задрожало под коленями. — И какой ты даешь мне срок?

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

Аня язвительно откликнулась:

— Хороший вопрос! Только жаль — риторический.

— Что это значит? — Она старалась дышать ровно и глубоко, чтобы не впасть в истерику.

— Прости! Я забыла, что ты не можешь знать слова «риторический»...

— Я знаю это слово! — все же сорвавшись, закричала Наташа. — Почему на него нет ответа? Ты вообще не собираешься меня выпускать? Ты собралась уморить меня здесь?

У нее все сильнее жгло в груди, а босые ноги, напротив, заледенели. Вчера она сделала педикюр, пока парикмахер колдовал над Аней. «Очень вовремя!» — ей вдруг стало смешно, и Наташа расхохоталась в голос.

— Успокойся, — посоветовала Аня через дверь. — Ты сама согласилась, что можно и не страдать, сидя под замком. Помнишь, ты говорила это о зверях в зоопарке? Я тоже буду тебя кормить. И ты быстро привыкнешь к новой реальности! Не впервой же... Тебе там будет не так уж плохо! Ты спустишь, посмотри.

— Серьезно? — выдавила она сквозь смех. — Ты что, думаешь, меня никто не хватится? Не начнут искать?

После недолгой паузы донеслось:

— Об этом я позабочусь. Ты ведь сама вчера сказала, что я могу проявить деловую хватку!

— Я не представляла, в чем ты собираешься ее проявить...

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

— Что? Я не слышу, говори громче.

— О чем? О чем нам с тобой говорить?

— Ну, что ты! Как раз сейчас мы и сможем наконец поговорить! А ради чего я все это затеяла? Чтобы ты не ускользнула от меня. Чтобы мы, как в Испании, могли принадлежать только друг другу... Ведь нам же было хорошо там! Ты сама сказала, что тебе было хорошо.

Присев, Наташа произнесла в замочную скважину:

— Детка, мне всегда будет хорошо с тобой. И я принадлежу тебе, где бы ни находилась... Работа — это лишь способ заработать деньги.

— Но ради меня ты не готова отказаться от них!

— От денег? Кто же отказывается от денег?

Я слишком долго к ним подбиралась, чтобы вот так взять и...

Аня звонко выкрикнула:

— От меня отказаться гораздо легче! Мы не успели вернуться, а ты уже готова была мчаться к своему золотому тельцу, и доить его, доить... Ради чего? Дом у тебя уже есть. Машина тоже. Шкафы ломаются. Чего тебе не хватает? Вертолета? Пятой шубы? Чего?

Ответы на вопросы

На крыше даже ветер оказался другим — вольным, смелым, но его солнечное дыхание было мягким, и хотелось впитывать это прикосно-

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

вание всей кожей, каждой клеточкой, вбирать улыбкой, которая уже виделась такой же искрящейся — лицо чуть запрокинуто, как после мигнута любви, и выражение его столь же блаженно. Может быть, глуповато, но этого не хочется видеть...

Она прошлась по нагретому настилу, едва удерживаясь от желания раскинуть руки, балансируя, как на канате. Не цирковая арена, целый город внизу! В эту минуту у нее возникло ощущение, что он принадлежит ей, и захотелось засмеяться от радости, поймав дуновение московской высоты, будто это была ее собственная вершина, ею покоренная Джомолунгма, цепляющая облака, а вовсе не крыша скучного офисного здания. Пожалуй, она рискнула бы совершить настоящее восхождение, было бы с кем... Как добраться до неба в одиночку?

— Бог ты мой, как здесь хорошо! Сколько воздуха! Вы дышите, дышите, Ирочка, когда еще доведется!

Светлые Наташины волосы забились коротким крылом, просящимся в полет, ворот белой блузки смело распахнулся, и ей почудилось, что шея помолодела, выгнувшись живым парусом. Если бы чьи-то руки могли придержать ее сзади, как в знаменитой сцене из «Титаника», Наташа вся подалась бы навстречу роскошной бездне, что разверзлась у края, захлебнулась бы счастьем, для которого не нужно других причин: вольный ветер в лицо и горячие мужские руки на поясе...

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Дочь, ее умная, взрослая дочь, высмеяла бы Наташу, если б узнала, что она не только смотрела, но трижды пересматривала этот фильм. В одиночестве, с пачкой соленых орешков, соленых слез. Подбородок подергивался, когда представляла себя на месте этой красивой, женственной девочки, которую Аня почему-то терпеть не могла. Как и весь фильм... Как и все, что любила мать... Почему? Господи, почему?!

Опомнившись, она повернулась к своей помощнице, стоявшей с блокнотом наперевес:

— Ну, продышались после бумажной пыли?

Девочка работала всего третий день и еще слегка косила от испуга. Наташу даже потянуло по-матерински обнять ее узенькие плечики, подбодрить улыбкой, но предыдущую помощницу она таким отношением уже избаловала — та решила, что может себе позволить распоряжаться вместо нее. Повторения не хотелось. И так уже одним порывом ветра смело все остатки субординации, на которой Наталья и так-то не особенно настаивала. Но ведь садятся на шею, садятся все эти новенькие девочки-мальчики...

С трудом заставила себя заговорить деловым тоном, который зазвучал диссонансом вольному голосу ветра:

— Ирочка, поскольку они хотят провести юбилей своей фирмы прямо на нашей общей с ними крыше...

— А зачем им понадобилась эта крыша? — перебила девочка, боязливо переминаясь на каблучках

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

в трех метрах от края. Ножки тоненькие, как у паучка, кажется, переломятся сейчас. — Чем просто в ресторане плохо?

Наташа выделила ее же слово:

— Просто. Вы сами сказали. А теперь уже никому не интересно отдыхать традиционно, понимаете? Всем хочется необычного, раз уж это праздник! Изумления хочется, сюрприза! А мы должны устроить им этот сюрприз... Как говорится: любовью каприз за ваши деньги! — Еще раз пристально оглядев площадку, она принялась рисовать рукой в воздухе: — Здесь мы должны установить светящуюся эмблему их фирмы. Так, чтоб вы знали... Детка, запоминайте и записывайте! Эмблему нужно изготовить из фанеры. У Максима есть все выкладки, он пусть и займется. Только напомните ему! И не один раз... Светящиеся фонтаны — по контуру. Какого цвета? — Она задумалась только на мгновение. — Давайте-ка голубые. Они же водоочистными сооружениями занимаются, это их цвет. Надеюсь, среди них некому обидеться на скрытый намек!

И фыркнула, не удержавшись. Природная смешливость то и дело прорывалась, но Наталья Малаховская давно решила, что на ее работе это не страшно. Все-таки они должны дарить людям радость...

Ей хотелось бы, чтоб повсюду возникли настоящие, струящиеся фонтаны, которые притягивали Наташу, рожденную под знаком Водолея. И вокруг нее постоянно что-то текло, струилось,

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

журчало, одновременно умиротворяя и создавая иллюзию постоянного движения. Даже если она сидела в офисе, на маленьком столике, стоявшем сбоку, исходила прозрачными водными нитями миниатюрная скала с жемчужной часовенкой наверху.

А дома, в спальне, обливалась слезами маленькая Русалочка, привезенная подругой из Дании. Ее дешевые подобию и здесь продавались в любом магазине, но эта была особенной. В ней чувствовалась утонченность принцессы подводного царства, по неосторожности влюбившейся в того, кто принадлежал другому миру. Не увлажнитель — наперсница. Ведь это было единственное место на Земле, где и Наташа позволяла своей жизнерадостности иссякнуть. И не гнать мысли о том, что ее сын сейчас тоже принадлежит другому миру...

«Не думать об этом!» — Показалось, что мысль о нем, неловко топоча, убегает игрушечным Конгом — коричневой обезьянкой, которую Наташа когда-то связала ему. Тогда муж смеялся, что у Конга на макушке — красная еврейская кипа. С чего бы? А что она сама пыталась изобразить, уже и забылось. Десять лет прошло... С тех пор ни разу не бралась за спицы — некогда! Да и тогда только ради Ленки, которому ни в чем не могла отказать.

Она жестко напомнила себе: «Не думать. Вот здесь, прямо посреди крыши, установить бы настоящий фонтан, — только представила, и захотелось захныкать от сожаления. — Поющий, с под-

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

светкой... А, между прочим, надо подумать над этим!»

То, что любые фантазии могут осуществиться, Наташа поняла, когда устроила свой первый офис в арендованной однокомнатной квартирке, откуда только вывезла свою семью в освободившуюся «сталинку» матери. И вдруг с изумлением обнаружила, что к ней стали обращаться. «Сарафанное радио» приводило новых и новых клиентов, хотя фирма тогда была еще подпольной — даже на регистрацию денег не нашлось. Зато воображения было хоть отбавляй, и Наташа уже с утра фантазировала идеями, которые приводили в восторг не ее одну. И до сих пор этот источник, за обладание которым она не уставала благодарить Бога, не иссяк.

— У вас план крыши наготове? Так, здесь должен стоять стол для фуршета. Музыкантов мы разместим там, где меньше всего ветра, вдруг им нужны будут ноты... Вот в том углу, чтобы панораму города не закрывали, поставим надувные фигуры. Вроде у их шефа все в порядке с чувством юмора, так что сделаем веселого зайца. — Она улыбнулась. — Его фамилия — Зайцев.

— А еще кого? — Ирочка сосредоточенно записывала.

— Еще? — Прищурившись, Наташа попыталась разглядеть будущего Зайца.

К нему в компанию просился Волк, но это можно было расценить как угрозу. Кто же может составить Зайцу пару?

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

— Зайчиха! — нашлась она. — Сделаем акцент на ценности семейных отношений. Теперь это модно... Только выясните, пожалуйста, женат ли этот Зайцев, а то еще вляпаемся со своими аллегориями... Это нетрудно, соседи как-никак. А теперь главное: ровно в одиннадцать вечера, когда достаточно стемнеет, вон в той многоэтажке напротив, — Наташа показала пальцем, чтобы помощница ничего не перепутала, — должны погаснуть и загореться окна, чтобы высветилась надпись: «С юбилеем!»

— Как это? — Ира воззрилась на нее с ужасом. Ее, конечно, предупреждали, что из Малаховской так и лезут бредовые идеи... Но не настолько же!

Наташа светло улыбнулась:

— Как? Надо будет точно высчитать, какие окна должны гореть, а какие погаснуть, потом пройти по всем квартирам и договориться с жильцами. Некоторым заплатить придется, такие встречаются. Другие согласятся за «спасибо». Вот такая у нас работа, детка! Но это ведь не у станка стоять, правда?

Движением фокусника извлекла из кармана маленькую шоколадку и протянула девушке. Та громко ахнула, будто фея подала ей хрустальные туфельки.

— Выпейте кофейку, когда вернемся. А то на вас лица нет.

Ирочка послушно потопала за ней, осторожно переставляя свои ломкие ножки. «На таких я быстро вылетела бы из бизнеса, — Наташа прикуси-

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

ла губу, чтоб не обидеть девушку усмешкой. — Меня-то ноги долго кормили... Носилась по Москве, как гончая... Втянулась. До сих пор на месте — аж кое-что жжет!»

Совсем не обязательно было самой лезть на эту крышу, можно было послать кого-то из менеджеров или обойтись чертежом. Но ей скучно было целыми днями сидеть в офисе, и раз уж Наташе больше не по статусу было самой проводить праздники, то погрузиться в веселую кутерьму подготовки она могла себе позволить. Иначе совсем закиснуть можно!

Ей никак не удавалось понять, как до сих пор не взвыла с тоски ее дочь, которая целые дни проводила дома, ничего толком не делая, ни с кем не общаясь... Одинаковые, как четки, недели перебирала, не тяготясь монотонностью, книгами подменяя те ослепительные брызги открытий и впечатлений, которыми фонтанирует юность. И сейчас-то Наташе удавалось в каждом дне находить столько забавного, удивительного, что ее переполняло эмоциями. И, вернувшись домой, она торопилась осыпать Аню этими сокровищами, а дочь откровенно морщилась:

— Мама, от тебя столько шума... Ну что ты руками машешь, как мельница?

— А ты еще не озверела от тишины? — не сдавалась Наташа. — Неужели тебе не хочется пообщаться?

— Хочется. Но разве ты умеешь общаться? По-настоящему, не поверхностно? Не умеешь. Ты

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

только брызжешь восторгами, как гимназистка... Это уже смешно в твоём возрасте.

Наташа терялась:

— Так что же, мне приходится домой и молчать? Я хотела немного развлечь тебя...

— Развлекай своих клиентов, они за это деньги платят, — отзывалась дочь. — Если б у тебя было немного больше времени, может, я и смогла бы научить тебя общаться. Только наспех этого не сделаешь...

— Научить? Ты меня? — уточняла Наташа.

— Ну конечно. Разве ты знаешь, как люди разговаривают друг с другом?

Наташа слышала не произнесенное: «Как разговаривали мы с отцом...» Дочери не нужно было добавлять этого, кое-что они все-таки понимали друг о друге и без слов.

— Ты ведь ни разу в жизни не поговорила со мной так, чтоб одновременно кому-то по телефону не отвечать...

Иногда Аня высказывалась проще:

— Мама, ты меня утомляешь. Уймись.

И уходила в свою комнату, в которой и без того провела целый день. Как ей не опротивели до сих пор эти стены, как в школьном кабинете увешанные портретами незнакомых Наташе лиц? Почему-то она стеснялась спросить у дочери, кто эти люди, показаться невежественной в еще большей степени, чем представлялось Ане... Однажды, когда сын еще не ушел за отцом следом, Наташа спросила об этом у него, потому что с ним

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

не боялась быть собой. Но Ленька тоже не был принят в эту тайную ложу и только пожал плечами:

— Писатели какие-то... Кто еще может не опротиветь нашей Аньке?

Она соглашалась. Как и во всем другом — с сыном.

...Вернувшись в офис, находившийся в том же здании, она случайно уловила, как Ирочка боязливо спросила у кого-то в кофейном закутке:

— Почему она называет меня «детка»? Это что значит?

— Это не сексуальные домогательства, не надейся, — бодро заверил голос Аркаши, который работал с Малаховской не первый год. — У Наташи кое-какие проблемы с сыном... Материнский инстинкт требует удовлетворения.

— Но у нее же еще и дочь есть! Разве нет?

Наталья тихонько отступила к своему столу, чтобы не подумали, будто шпионит за сотрудниками. Знакомая тоска выползла из углов, окружила так тесно, что трудно стало дышать.

— Маленький мой...

Ее палец слегка коснулся, пунктиром прошелся по контуру веселого Ленькиного лица. Здесь ему было лет пятнадцать... Тогда у Малаховских еще не дошло до развода. За полгода — после Наташа ни разу не позвонила сыну, оглушенная его предательством, но снимок со стола не убрала. Аня к ней на работу не заходила, а других она не посвятила в то, какой выбор сделал мальчик, ко-

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

того любила больше всего на свете. Почему?! Столько этих вопросов, что захлебнуться кровью можно — так рвут горло их крючки...

Как он умел смешить ее! Даже совсем маленьким, пятилетним — не клоуном скакал, а по-взрослому острил, беззубо пришепетывая, поддевал ее с добродушной снисходительностью. И это никогда не ранило, потому что любовь, которую Наташа чувствовала в нем с младенчества, даже на смешку делала не обидной.

Правда, один из карнавальных костюмов, которые она в те годы, по бедности, сооружала собственноручно, был клоунским... Ленке только исполнилось восемь лет, и она рисковала напороться на естественную боязнь мальчишки показаться своим сверстникам смешным. Но ее сын оказался умнее и артистичнее, даже чем представлялось ей. И вокруг него весь праздник вились девчонки, которых он развлекал. Хотя накануне он как раз лишился переднего зуба и очень переживал. Наташа направляла его руку, чтобы выпавший зуб угодил в щель «за печкой», точнее за газовой плитой. Подразумевалось, что там живет мышка.

— Маленький...

Увиделось, как он, полугодовалый, выглядывает из-под облезлого стола, где был его «домик», старомодно прикрытый скатертью, и вся Ленкина мордашка светится радостью. Белоголовый, как она сама, кудрявенький, глаза сияют полукруглыми солнышками. С грудным смехом он хвата-

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

ет за ноги Аню, которая сидит с книжкой (уже научилась в свои пять лет бойко читать по слогам), а та отталкивает его ногой с неожиданной яростью:

— Да отстань ты! Вечно мешаешь.

Кажется, тогда Наташа впервые дала дочери затрещину, потому что Ленька отлетел к ножке стола, ударился головой.

— Поиграла бы с ним лучше! — крикнула Наташа, морщась от некрасивости плачущей дочери. — Корчишь тут из себя взрослую!

— Я и есть взрослая! — размазывая слезы, протянула та. — Ты не понимаешь... Я не хочу играть! Мне неинтересно.

И ведь правда, почти не играла, только в раннем детстве, еще до рождения брата. А после — будто протест возник: чтобы с малышом не уравнивали, не ставили на одну планку. Кукол и мягких зверюшек засунула в диван — от греха подальше. Книжки, книги и ничего, кроме них. Наташа пыталась растормошить дочь, тянула за собой на детские праздники, которые проводила, но в ответ слышала только одно:

— Неинтересно. Ты же это не для нас придумала.

— Но ты тоже могла бы повеселиться с ними вместе!

— Так — неинтересно.

Чужая, пересказанная, а то и придуманная в книгах жизнь увлекала девочку больше... А Леньке все было интересно! Он часто увязывался за

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

матерью даже на свадьбы, которые Наташа тогда еще проводила сама. И охранял ее своим присутствием от захмелевших гостей, которые не решались тянуть лапы через голову ребенка. То ли понимал, что ей необходим защитник, то ли делал это интуитивно и больше для себя самого — она и сейчас этого не знала. Но всегда, каждую свободную минуту, ее сын был с ней рядом. Ее Ленка, который, как Наташе казалось, даже дышал с ней в такт...

Хотя и ему тоже требовалось уединение, что в однокомнатной квартирке, позднее ставшей Наташиным офисом, давалось непросто. Забравшись под стол, Ленка рисовал своих «идиотиков», как называл их отец, — мускулистых воинов с небольшими головами. И гора мышц у каждого все росла и росла... Потом сын вырезал их и играл сам с собой, потому что сестра никогда не составляла ему компанию — взрослой себя считала! А он долго оставался ребенком и что-то бормотал в своем углу на разные голоса. У него была целая куча игрушек, а он упорно плодил этих «идиотиков»... Аня презирала его за это и любила называть «маменькиным сынком». Он и был маминым, только не в уничижительном смысле.

«Надо работать! Глушить работой». Наташа вскочила из-за стола. На дела набрасывалась, как на болеутоляющие таблетки, а со стороны казалось, что Малаховская землю роет, чтобы фирму вывести в лидеры своего бизнеса. Пока до этого

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

далеко было, но если боль не утихнет в ближайшие года три, то все может быть...

— Я поехала на встречу с иллюзионистом, потом — к музыкантам, — бросила она секретарше. — Если что — я на связи.

И забилась в лифт от чужих глаз, которые могли подметить, что иногда с Наташи почему-то слетает пыльцой ее природная жизнерадостность. Пара минут наедине с собой. Смогла бы она выдержать целые дни, как Аня? Не заскучала бы в собственном обществе? Дома, когда дочь заперлась у себя, Наташа сразу хваталась за телефон или включала телевизор. Ей необходимо было слышать чей-то голос, иначе нарастал ужас: мир забыл обо мне...

Дверцы раскрылись, предлагая ей мир подземный. Здесь, на парковке, машины ждали своих хозяев, как дремлющие псы... Как Ленька радовался, когда она принесла подобранного на улице щенка, собственноручно отмыла его и проглотила. И сын, топоча, носился с неуклюжим, заваливающимся на бок щенком наперегонки, хотя квартирка тогда была такой, что не разбежаться. А дочке собака сразу вонзилась костью в горло. Точнее, в ухо.

— Да что он все время лает? — морщилась Аня. — Столько шума от него...

Почему в ней всегда была эта патологическая непереносимость любых звуков? И громкий Наташин голос, развитый на чужих свадьбах, больнее всего резал дочкин слух. Она даже головой тря-